

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертационное исследование Рецова Василия Вячеславовича
«Образ творца и концепция творчества
в авторской мифологии И. А. Гончарова»,
представленное к защите на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Гончароведение долгое время было сосредоточено на решении частных вопросов, на накоплении материала для дальнейшего осмысления и исследования. Поэтому нельзя не приветствовать появление работ, в которых предпринимается попытка системного, концептуального анализа, основанного на выявлении констант, фиксации ключевых элементов авторской мифологии, и убедительно демонстрируется «генетическая» связь творчества И. А. Гончарова с предшествующей литературной традицией.

В этом отношении диссертационное исследование В. В. Рецова не просто актуально, но крайне своевременно – особенно учитывая, что в настоящее время в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Российской академии наук осуществляется подготовка первого Полного собрания сочинений и писем романиста.

Предложенный в работе подход позволяет во многом по-новому посмотреть не только на художественный мир самого И. А. Гончарова, но и – в перспективе – на творчество его современников, декларировавших «зависимость» от литературных предшественников, которых автор «Обломова» и «Обрыва» считал своими учителями.

Свою главную задачу диссертант видит в том, чтобы «доказать, что вырабатывавшаяся И. А. Гончаровым концепция творчества являлась основой его авторской мифологии», которая предполагала «переосмысление архаичных мотивов и “вечных” образов, а также создание собственных

мифологем, обусловленных писательским восприятием образа творца как доминантного» (дисс., стр. 9).

Решению этой задачи служит и совокупность едва ли не самых популярных в филологии методов, применение которых позволяет достичь поставленных целей, и структура работы, состоящей из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Научная новизна исследования видится в попытке соискателя создать целостную концепцию творчества И. А. Гончарова как системы, вписанной в единый литературный и мифологический контекст, центральным элементом которой является образ творца.

В первом параграфе первой главы («Философские и теоретические основы творчества И. А. Гончарова») предпринимается довольно успешная попытка показать, какое влияние на романиста и на его представление о творческом процессе и фигуре творца / художника оказали популярные в России в первой половине XIX века идеи немецких романтиков (в первую очередь Шеллинга и Шлегеля). Кроме того, В. В. Рецов справедливо говорит об участии Н. И. Надеждина и С. П. Шевырева в формировании эстетической концепции писателя.

Ключевой тезис соискателя о воспринятой у Шлегеля идее необходимости для любого творческого человека осмыслиенной созидательной деятельности, которая стала «“аксиомой” для Гончарова» (дисс., стр. 21), не вызывает сомнений. Однако закономерно напрашивается вопрос: почему все ключевые герои романиста, наделенные, казалось бы, творческим даром, в конечном счете «не способны к труду “упорному”» (дисс., стр. 21)? Только ли дело в «барской лени» и «барском воспитании» или в «неприспособленности» к регулярной, систематической деятельности?

Возможно, стоило бы подумать и о специфике восприятия русскими мыслителями и, разумеется, самим И. А. Гончаровым христианской символики, столь значимой, по мысли Шлегеля, для формирования авторской мифологии, – учитывая многовековые традиции восточного и

западного христианства. Впрочем, подобные размышления, вероятно, могли бы слишком далеко увести соискателя от магистральной линии исследования.

В основной части работы (2-й параграф 1-й главы, 2-я и 3-я главы) диссертант анализирует самые известные произведения И. А. Гончарова 1830–1860-х годов, включая его романную трилогию. К сожалению, специально не оговаривается выбор именно этих текстов и исключение таких значительных и принципиальных для рассматриваемой темы произведений, как «Литературный вечер», «Слуги старого века», «Поездка по Волге», Необыкновенная история». Впрочем, очевидно, что расширение материала привело бы к существенному увеличению объема диссертации (и без того достаточно внушительной), а предложенная выборка вполне репрезентативна, что позволило достичь заявленных целей.

Ключевые идеи исследования, вынесенные в конец каждой из глав (что нельзя не признать в качестве явного достоинства), и сформулированные в заключении итоговые положения в целом не вызывают возражений и, более того, свидетельствуют о серьезной работе, проведенной соискателем.

В диссертации содержится много интересных наблюдений над поэтикой гончаровских произведений в целом, а также над функционированием отдельных образов и мотивов (в первую очередь связанных с фигурой художника / творца), позволяющих по-новому осмыслить идейную структуру.

Однако любое концептуальное, к тому же выполненное на большом фактическом материале, исследование всегда провоцирует размышления и вопросы. Некоторые из них хотелось бы предложить в порядке уточнения и дискуссии.

1. В ряде случаев, когда речь идет о функционирующих в творчестве И. А. Гончарова образах и мотивах, связанных с определенной традицией или отсылающих к определенным представлениям, «архетипический» /

«мифологический» / «вечный» используются как синонимы (дисс., стр. 41, 58, 88 и др.). Действительно ли возможна такая «рокировка»?

2. Рассуждая о роли любви / страсти в текстах И. А. Гончарова, В. В. Рецов достаточно часто и последовательно апеллирует к высказываниям Райского, который «призывал», жаждал страсти – она выступала катализатором его обращения к искусству. Нет ли опасности в подобном подходе, фактически отождествляющем позицию героя (пусть и чрезвычайно близкого автору) с позицией самого писателя, хорошо представляющего себе последствия проявления страстей в судьбе всех героев романа «Обрыв», и особенно жителей Малиновки?

Ведь И. А. Гончаров изображает героев, жадно ищущих страсти как источника энергии, способной наполнить смыслом, «упорядочить» их жизнь. Этим они напоминают Печорина. Как представляется, сравнение ключевых персонажей романов И. А. Гончарова и «героя времени» М. Ю. Лермонтова могло бы дать любопытный материал для исследования, добавить новые детали к гончаровской характерологии.

3. Не слишком проясненной, как представляется, в диссертации остаётся фигура Дон Кихота и ее «воплощения» в творчестве И. А. Гончарова (в отличие, в частности, от Дон Жуана).

Образ испанского «кабальеро» в работе имеет как будто «прикладное» значение и упоминается почти исключительно лишь в одном контексте с Дон Жуаном. Поэтому не может не возникнуть вопрос о том, как происходит «реинкарнация» этого «вечного» образа в романах И. А. Гончарова.

4. Хотя уже в самом начале работы соискатель выдвигает тезис о том, что «Гончаров раскрывает тему творчества посредством архетипических мотивов огня и воды, создавая систему огненно-водных ассоциаций» (дисс., стр. 7), в дальнейшем основное вниманиеделено всё же «обжигающей» стихии. Как можно было бы определить отношения «огня» и «воды» в художественном мире И. А. Гончарова?

Целесообразно указать и на некоторые встретившиеся в работе неточности и недочеты, которые, вероятно, нужно воспринимать скорее как досадные недоразумения: например, «приписывание» «демонических свойств» Тяжеленко (дисс., стр. 63), отчества «Дмитриевич» – Райскому (дисс., стр. 183), утверждение о том, что героя «Сильфиды» «излечивают... просто: “бульонная ванна – и ложка микстуры”» (дисс., стр. 63–64), – а также на ряд стилистических и семантических «экспериментов».

Сформулированные в отзыве замечания и вопросы, тем не менее, не ставят под сомнение состоятельность концепции В. В. Рецова и направлены на уточнение положений диссертации.

Материалы исследования могут найти практическое применение в вузовских и школьных курсах истории русской литературы XIX века, в спецкурсах по творчеству И. А. Гончарова.

Идеи и положения диссертационной работы прошли всестороннюю апробацию на международных научных и научно-практических конференциях, а также «на практических занятиях со студентами-филологами» и «учащимися старших классов» (дисс., стр. 14).

Содержание диссертации адекватно отражено в авторефере и перечисленных в нем публикациях. По теме исследования опубликовано 11 работ, среди них 3 статьи – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Все вышеперечисленное определяет обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизну, теоретическую и практическую значимость.

Представленное к защите исследование В. В. Рецова является завершенной научно-квалификационной работой, в которой поставлена и успешно решена важная проблема современной филологии.

Диссертация Василия Вячеславовича Рецова «Образ творца и концепция творчества в авторской мифологии И. А. Гончарова» соответствует критериям, изложенным в пунктах 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением

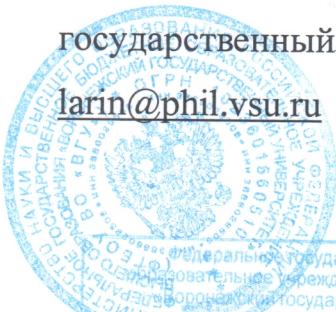
Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

04.09.2020 г.

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории и типологии
русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВО «Воронежский

государственный университет»

larin@phil.vsu.ru

Подпись Ларина С.А.

заверяю начальник отдела кадров
должность
О.И. Зверева 04.09.2020

Фото: расшифровка подписи

Ларин Сергей
Алексеевич

Адрес организации: 394018, Россия,
г. Воронеж, Университетская площадь, 1,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Телефон: +7 (473) 220–75–21,
e-mail: office@main.vsu.ru,
сайт: www.vsu.ru